

МАЛЫЙ ДЕКАМЕРОН

АНАТОЛИЙ МАЛЯРОВ

Анатолий Маляров

Малый Декамерон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23306120

Мультимедийное издательство Стрельбицкого; Киев; 2017

Аннотация

Всякий век требует очерка чувственных отношений между полами. Грань веков – особенно.

Содержание

ОРДИНАРНЫЙ ОРИК

4

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Анатолий Маляров

МАЛЫЙ ДЕКАМЕРОН

ОРДИНАРНЫЙ ОРИК

Марта Мартыновна не отличалась габаритами, отнюдь: узка в талии, с аппетитными грудками, легкая в шаг, миловидная с лица, моложавая... Но невесток ела поедом, за завтраком, обедом и ужином. И в промежутках.

И не возразишь, требования самой высокой пробы: артистичные, защищенные классической литературой и пособиями по обустройству молодой семьи, нормами этики, эстетики и молвы. А побудительные мотивы – освященная верой и обычаями любовь к единственному сыну Оресту, Орику!

Родился он, когда отец его лежал под саваном – исключительное потрясение: возникновение жизни и конец ее. Каким же сверх обычным обязан стать этот комочек плоти, чтобы оправдать трагедию!

Успешная актриса оставила театр: нескончаемые гастроли, низкую оплату, аморалку. Держала две любительские студии при богатых заводах и жила святее папы римского –

для положительного примера граду и миру.

Читала запоем, чтобы запойным читателем удался Орик, изучала английский и польский с той же целью, шила и перелицовывала по вырезкам из журналов, ставила сыночка рядом с собой под душ и причесывала ежедневно, чтобы малыш произрастал здоровым и гигиеничным.

В детский садик, в школу, в институт провожала почти за руку. Поставленным голосом распоряжалась, выпуская в ворота или на ступеньку трамвая:

– Держись достойно!

Поляки говорят: що занадто, то не здорово.

На все случаи жизни у матери были веские аргументы, излагались они с актерской верой и убежденностью. Столь же обоснованно и твердо оппонировал им малыш-мальчик-подросток потом юноша Орик.

Для Марты Мартиновны он был самым-самым: умным, талантливым, красивым – таким человечество обязано... Для себя – Орик тоже стал образцом.

К двадцати годам третьекурсник Орест Кочетов слыл бле-

стоящим полемистом, живущим по другой польской пословице: на то человек жие, жиби добже зъяты. К двадцати двум – имя дипломированного специалиста русского и английского языков замелькало в газетах города под изящными и довольно дерзкими статейками на молодежные темы. А лицо его засветилось на экранах телевизоров. И, несмотря на картавость, Орик был принят ведущим общественных программ с окладом и небольшими гонорами. Его доморощенная смелость совпала с дозволенной толикой вольнодумства в бесхозной и смятенной стране.

– Мама, это Света, – однажды он привел бледную девушку в джинсах. – Сообрази чего-нибудь поесть.

Для здоровья нужна женщина, решила Марта Мартыновна. И хорошо обихаживала блондинку три недели, ровно до того утра, когда Орик заявил:

– Света остается у меня. Мы женаты. Оформим потом.

В матери проснулся национальный принцип подхода к невестке, хуторянский, и он оттеснил все достижения цивилизации. Немедленно марш к рогачам-ухватам, котлам-казанам, корзинам-верейкам, экономии-бережливости! И Орика – на пьедестал... И, опережая мать его родную, протирать мужа теплой тряпочкой, приветствовать молитвенно, не поз-

волять ему взяться за холодную воду.

Девушка, несмотря на большую отдаленность от родителей и отсутствие средств существования, продержалась чуть более двух месяцев. К тому времени Орик понял, что она – не вариант: провинциальна, малоинициативна в постели и все прочитанные им, уже без матери, классные приемы секса молодайка никак не могла освоить, не та органика. Расстались.

Смуглая семиточка Ида показала Марту Мартыновне не столь красивой, сколь перспективной. Бушевала мода на Израиль, и девушка намекала на семейный переезд в теплые и авансом обеспеченные края. Вот только оформятся все документы, ну, три месяца... Ради законности пришлось позволить Орику расписаться. И далее: занять комнату побольше, с лоджией, а главное, согласилась принять на себя приготовление пищи и на «третий рот» и – терпеть. Уже не по польской, а по нашей пословице: овчинка стоит выделки.

Миновало три месяца. Овир затягивал с документами. Закрадывалось сомнение: еврейка ли невестка? Оказалось, наполовину. Отношения с нею у свекрови остывали. Обиняками дознались, что не по матери она семитка, а по отцу – совсем маловероятно перемещение в землю обетованную. А лимит терпения иссяк. И начались инструктирования: это

лучше будет приготовить тебе самой, супруга лелеют не так, мало времени проводишь в нужных заведениях, не имеешь связей.

А Орик тем временем осознал, что он еще не отгулял свое, и перспектива свободной страны не стоит амурных ограничений. А тут свобода заварилась у себя, пусть пока вербальная, медийная, из-под полы. Такие грядут открытия на эротическом, сексуальном, порнофронте, что требовалась партнерша погибче и беспардонней правоверной иудейки. Мать изысканным чутьем постигла настроение сына и дала себе волю. За столом и попутно, перед сном и при побудке постоянно рассказывала, как оно следует поступать, что говорить и как это было у нее самой с ее незабвенным и единственным...

Коллизия разрешилась просто. Ида получила визу из Израиля, сказала, что в разведку поедет одна, подготовит квартиру, найдет для Орика газету на русском или английском языке... Пока мать с сыном ворошили свои планы, анализировали, печалились и ликовали, невестка улетела. И ни весточки о себе. Куда удариться за правдой, не знали. Решили — дело закрыто.

Орест тем временем пользовался спросом. В нашем полумиллионном хуторе редкий человек владел четырьмя языками.

ми, да еще своим, природным, подвешенным – аккурат для скандалов, был вхож в телевидение и в газеты. В общем, благодетели из-за бугра именно ему выделили офис, дали машину со ставкой шофера и добрую меру горючего на каждый день, много денег на создание журнала – очага демократии и развития. Парень сразу научился львиную долю капитала тратить на обустройство маминой квартирki на среднем этаже: обои, кухня, черная ванная, оргтехника по высшему разряду. Единственное, к чему был холоден, – это к машине: боялся руля и знаков на перекрестках. Зато не боялся гоночары, предназначенные авторам журнала, оставлять себе. В наших краях многие пишущие сдают приличные материалы ради служения независимости да еще ради популяризации своего имени. О рекламе вообще говорить излишне!

Появилась новая нареченная. Парадокс, среди отчаянных, распустившихся – в прямом и переносном смысле, – в угаре свободы юных горожанок. Орику встретилаcь восемнадцатилетняя дочь сельского священника. Угловатая, застенчивая, красивая – воистину дива непорочная. Он воспылал: из такой бы сделать оральную партнершу. Это не из тех, что сами подставляются! А Ляля держит и губки и ножки сжатыми, а отец Никодим разведывает, что это за ухажер: и предварительные выводы его весьма нелестны и опасны. Пришлось венчаться.

Как и в прежних двух попытках, Марта Мартыновна начинала благостно. Поднималась затемно, готовила изысканные завтраки, благо, доходы от каких-то траншей, спонсоров, реализации журнала шли через сына в ее инкрустированную кассу у изголовья. Все условия для высокоодаренного ребенка – хоть и не первый, а все же медовый месяц. Гляди, зачнут внука или внучку: и ей на старости забава, и ему в его преклонные годы опора.

А Орик присматривался к Ляле.

– Можно, я поглажу твои волосы? – начинала она словами из сказки.

– Мы сегодня ложимся вместе? – совсем виновато спрашивала уже на пятый, шестой и так далее день.

Красиво, трогательно, да все как в первый раз и под взглядом иконы. Рядом ютилась стебельком под стеночкой, все боялась потревожить «хозяина». Позволяла устраиваться на себе прилично и прислушивалась, замирала, прямо не жила. Только при блике из окна сверкала слезинка в уголке глаза. Скучища!

Приносил муж литературу, в переплете и на фолиантах из Интернета. Индийские и европейские приемы. После двенадцати ночи разыскивал в телепрограммах нечто близкое к

эротике, включал в «видике» порнографию. Не читала, отворачивалась, запевала свой деревенский фольклор и уходила на кухню. Оттуда, бывало, звучали подражания церковным гимнам. Да-а...

Канитель тянулась год. Пришлось пару раз сходить на Печкарскую, выложить по сотенной. И получить – «ничего на свете нет – лучше, чем минет». Но ведь возможны диагнозы, да и популярность не позволяла мерцать в неблагоприятных заведениях. Орик почувствовал себя обманутым. Держался, сколько позволяла нестойкая воля. И лишь намеками делился с матерью:

– Не тот вариант. От разных корней мы, и разные садовники нас поливали.

Однажды явился домой в превосходном настроении: получил очередные доллары от какой-то международной организации – на развитие демократии. Естественно, развивать новые отношения в стране доверено было матери. Поужинав, увел Лялю в спальню. Та робко прижалась к нему еще стоя, в одежде, и невинно пролепетала:

– Расскажешь что-нибудь?

Он взбеленился. Чуть ли не с матом переспросил:

– Сказку, что ли?! – И зашипел, не опасаясь ушей матери: – Даже эти твои слова свидетельствуют о том, что нам ничего общего не дано. Люди из одного детского садика не ставят столь дурацкие вопросы!..

Марта Мартыновна и впрямь слышала все. Сегодня она получила карт-бланш на поедание неуютной ее Орику женщины. Веник, скалка, поводок собаки, хозяйственная сумка, пылесос, поливальный, посудомоечная машина, та же стиральная, дверные и телефонные звонки и пр. и пр. – все перешло из рук в руки – от свекрови к невестке. Еще полгода каторги с полным отсутствием молодого супруга дома по вечерам, а иногда и по ночам. Начались у него поиски новые и почему-то все непродуктивные. Одна попадалась грязнуля, другая бездарная, третья замужняя, даже с детьми; четвертая – кандидат наук, красавица-спортсменка и секс-модель – дала от ворот поворот и вышла через сваху за богатого немца; пятой подсунул спецлитературу – принесла на другой день – читать не умела...

Объявил поэтический конкурс «Девичьи строки» в своем журнале. Так приходили горбатенькие, усохшие, затрапезные, убоженькие. Черта в их поэтическом таланте! Только место на страницах тратил, а можно было там разместить рекламу или продать колонки политическим партиям. Не бы-

ло в городе эдакого соединения: красавица, талант в стихах и гений в постели.

Талант и везенье, да еще «на безрыбье и рак – рыба» засветили Орика в столице. Получил приглашение посетить Киев, месяц спустя – Варшаву. На недельку, а все же не пропадал его польский язык зазря. В колготне командировок и новых знакомств не удалось поискать в иных градах вымечтанную женщину.

И вдруг – предложение сверху: на месяц в Соединенные Штаты Америки.

Душа воспарила, воля заговорила:

– Ляля, расстаемся.

– Так отец же отказался... Куда я?...

– Я договорился. Ты поступаешь в училище, тебе дадут комнату на пару с еще такой же скромницей. К твоей стипендии я два года буду тебе приплачивать две сотни. Хватит на молочишко и трусики. Тем более, что ты их не марашь...

С большими слезами с одной стороны, терпением и ликованием с двух других сторон – расстались.

Две недели спустя старенький «Боинг» переправлял через океан дюжину счастливиц от молодой журналистики. Больше пишущих со знанием английского страна не наскребла. И больше борцов за демократию стране не оплатили доброты из-за бугра.

В Джорджии нашим разрешили пользоваться Интернетом в муниципальной библиотеке. На второй же день к столику одинокого Ореста подошла женщина его лет, может, на годик старше.

– Хай? Ду ю спик инглиш?

– Кое-как, – нашелся свободный мужчина и сообразительный журналист: – Рад буду попрактиковаться.

Она была русая, невысокая, затянутая в строгий костюмчик под визитку. Лицо так же затянутое тонкой кожей, слегка скуластое, глаза чуть навывкате, серые и озабоченные.

– Вечером как отдыхаешь? – Это она запросто сказала.

– Пока нет предложений.

И смотрел на фигурку – с приличными ножками, с талией девушки. Не красавица, но для разового посещения подходит.

– После работы зайдем ко мне.

Предложение смелое, но, возможно, это так привечают в Америке всех гостей из освобождающихся стран. Чай, разговоры и уроки демократии?...

Жила она, Рейчл Моби, в квартирке «ту рум». То есть, две спальни, разумеется, плюс малый привесок – кухня, холл, гараж.

Не угощала ничем, видимо, посчитала, что чашки кофе и тостика, перехваченного по пути, достаточно. Сразу вкинула в ванную, сама раздела, терла мочалкой, заливала из душа, постепенно забрызгивалась сама и постепенно сняла с себя жакетик, юбку, блузку, лифчик, трусики. Садилась Орику на спину и хохотала, хохотала. Беспардонно вела себя, словно с дикарем, с которым все дозволено и никто не прознает деталей, и суда не сыщешь!

В постели взяла на себя роль мужчины: валила его на спину, закутывала его голову простыней, сквозь хлопок мягко, как не главное, поцеловала в губы, потом почти заглотнула каждый сосок на его подергивающейся груди. Потом подышала в волосики на лобке, покурчавила их носом и деликатно укусила посиневший от жажды отросток. Даже выкрикнула:

– Какой у тебя пенис!

Было сказочно хорошо. Неужели все женщины Америки таковы? Не потому ли здесь такие широкие улыбки у мужчин и производительность труда недостижимая для нашей высокоморальной Украины?

Он вывернулся из-под женщины, нашарил ее лоно, работал-работал, вот-вот высшая точка... Она улучила момент – извернулась, дала ему постонать, поматериться, погоняться за нею по комнате. Потом свалила его на пол и оседлала.

В общем, заснул Орик бездыханным.

Ночью чувствовал параллели вечерних коллизий. В паху горело, нежало, возбуждение превзошло все вероятности. Юношеский страх поллюций! Но они приближались, с его органом творилось сверхъестественное. Он принудил себя открыть глаза. Простыня с ног была сброшена, Рейчл, голенькая и воздушная, сгруппировалась в его ногах и делала сказочный минет. Сонному! Стократная мечта всякого отечественного мужика – молодого, старого, коммуниста и беспартийного, мечта, которую редкий смеет высказать любовнице, жене... И совсем единственный получает ее...

Назавтра, в полдень, потягивая портер, руководитель программы сказал:

– Орест, воля ваша, только вы должны знать, что Рейчл насильно разведена. В пользу бывшего супруга отсужены трое маленьких деток, мал мала меньше. Она тоже насильно некоторое время держалась в лечебнице. Кажется, обязана платить алименты экс-мужу. Увиливает. Впрочем, вы человек временный, вам ничего не грозит.

Командировка сошлась на одном, на ночах с отвергнутой кем-то женщиной. А дни, занятия, публикации, все такое казалось третьестепенным, отбываловкой, и представления о Соединенных Штатах свелись к актам с Рейчл.

Уезжал он. Она рыдала в аэропорту. Он тоже рыдал бы, но мешало окружение и кое-какой остаточный гонор.

– Я тебе напишу, – сказал он.

– Я тебе позвоню, – ответила она рюмная.

– Я тебя приглашу в гости.

– Я приеду насовсем...

Что говорят люди на прощанье? Разумеется, всегда глупости. Так заведено. Но иногда сбываются самые несуразные обещания.

В случае с Орестом зашло дело далеко.

Он тратил свой крепкий заработок на телефонные разговоры через океан, она звонила чаще. Наконец, вызов. Ожидание.

Марта Мартыновна не могла нахвалиться поведением сына. С креста снятый, не перечит, вкалывает на службе и дома, моется, смазывает куртку салом и все рассказывает про американку Рейчл. Разумеется, кроме отнятых у нее деток и бешенства ее любовных отношений. Бог знает, не удалось парню в Израиль, может, переберется в Америку. А он, не похож на себя, вкалывал, чтобы быстрее истреблялись дни до первого сентября, до ее самолета. Рад был летаргически уснуть на полтора месяца, не есть, вычеркнуть шмат жизни... Все спонсорские деньги и слабые доходы от журнала бросил на перестройку своей квартирки. Деревом обил стены, почти до половины, перехватил у богатеньких множество наворотов к газпечке, к очистке воды, к электрооснащению, связи – черт знает как во всем таком разобраться маме, совковой женщине! Но гонор возрастал, на соседей посматривала слегка свысока и через левое плечо, с иронией. Червячок иногда сосал Марту Мартыновну: это же когда он оформит документы на выезд! И сколько терпеть такую желанную для него, единственного сыночка, частичку, самую послушную дольку его

персоны? А уедет? Кого же окликнешь: надел ли в морозец подштанники, выпил ли снадобье для витаминизации, правильно ли выстроил и отходил журналистов и компьютерщиков в офисе?! И восторг и мучение...

Рейчл прилетела. Бледная с дороги, затянутая то ли в корсет, то ли в режим питания и молчания. Начался перевод с английского на наш и обратно. И снова гордость: как Орик легко управляется. Застолье Марта Мартыновна сделала самое лучшее, национальное с примесью собственного кулинарного творчества. Уступила большую комнату, комплект постели достала из сундука с приданым – тридцатилетней давности, но то еще!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.